

Россия.-2000.-1 авг.-с.13.

Роберт Плант нашел СМЫСЛ В МОНАСТЫРЕ

Возможно, кто-то решил, что Роберт Плант запил, как это часто бывает с рокерами третьей свежести. А еще кто-то слышал, что он с концами уехал в Марокко и даже что копается в земле на ферме среди одноименных ему растений. На самом деле сильно постаревший вокалист Led Zeppelin поет во всю ивановскую, но совершенно не то, чего от него ожидают.

Совсем недавно он выступил на ежегодном Кембриджском фолк-фестивале с новой группой The Priory of Brion («Монастырь Брайана»). Там старина Плант сорвал основные овации.

А сейчас с новорожденной группой он гастролирует по клубам и пабам Соединенного Королевства. Очевидцы наблюдают Роба восседающим на стуле и во все горло поющим старые песенки Тима Бакли, Донована, Тима Хардина, Стивена Стиллса и Артура Ли, то есть сущее кантри английского разлива. Лицо при этом у него несколько не пивное и не красное от стыда. Более того, по слухам, Плант решил выполнить определенную миссию. Нам удалось получить небольшое интервью барда. Разговор велся в самом конце июля.

— Что нашло на вас, драгоценный Роберт?

— В сущности, рок-н-ролл — это вид безумия, а я хочу почувствовать себя нормальным человеком. И не считаю перемену неожиданной. Мне очень нравится то, что я делаю. Но чем больше будет успеха, тем хуже. Я просто обязан буду развернуться и уехать на пару месяцев в Марокко. Я не собираюсь загребать деньги с помощью старого кантри, это слишком цинично.

— А как же рев стадиона? И все такое?

— Я не жалуюсь. Но, понимаете, меня беспрестанно достал этот звук. В принципе, мне безразличен успех или провал, мы — я и группа — просто не думаем о том, что нас ждет. Места выступлений не всегда случайны и практи-

чески неизвестны заранее. Во многих клубах не играл никто из моих знакомых, я первый. Мы начинаем играть сразу за подражателями Элвиса, как обычные музыканты, потешающие людей. И я бы не хотел, чтобы это превратилось во что-нибудь большее.

— А что вы скажете на выпады, будто The Priory of Brion — чудачество богатенького рок-идола, впавшего в сентиментальность и старческий маразм?

— М-да, есть нечто похожее, но все же я исполняю очень хорошую музыку. Бе-

зотносительно времени или стиля. И еще мне кажется, что сейчас я пою лучше. Раньше бы эти песни мне не удались. Я легко повышаю и понижаю голос, по пути используя «арабские четверти». В песнях, подобных Heartbreaker, ничего подобного у меня не получалось. Структура музыки не позволяла. И, наконец, я всегда хотел петь добротные песни, построенные на мелодии. К счастью, дисков мы выпускать не собираемся — это нельзя продать, и оттого наше творчество получает особую чистоту.

— И тем не менее ваши бутлеги с этих концертов распространяются в Интернете, а качество некоторых из них является просто ошеломляющим... Но это все же не Роберт Плант, а The Priory of Brion. Как родилось имя вашей группы?

— В средние века существовал орден тамплиеров, одно из его ответвлений называлось The Priory of Zion (Монастырь Сиона). Мне показалось, что мы своей одержимостью чем-то похожи на подобное общество. Дальше требовалось продолжение. И я вспомнил абсурдистский фильм «Жизнь Брайана» о том, как фанатичные люди могут поклоняться полной ерунде. Показалось, что после моей карьеры со всем «не достойным нас» дерьмом, это имя будет абсолютно точным. В «Монастыре Брайана» живут люди, которые увлечены не больше, чем этого требует здравый смысл.

— Все новые песни — перелеты чужих хитов. Притом нет ни одной песни Led Zeppelin. По какому принципу шел отбор материала?

— Этим песням столько лет, что некоторые мы исполняли в группе The Band of Joy, существовавшей еще до Led Zeppelin. Многие из них стали краеугольными камнями моей жизни. Я никогда бы не смог написать песню, подобную Bluebird Стивена Стиллса, так же, как и многие другие, — слишком разную мы прожили жизнь. Но эти песни всегда на меня действовали. Они глубоки настолько, что я напевал их всегда, под душем или за рулем авто.

АНДРЕЙ МАСАЛЬЦЕВ